

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-1-42-54

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

ДИВАЕВ Александр Борисович*

✉ divalex09@mail.ru

Пр. Октябрьский, 49, Новокузнецк, Кемеровская область, 654066, Россия

Аннотация. Традиционно право исследуется преимущественно как средство регулирования и охраны общественных отношений. Статья представляет собой попытку переосмысления данной парадигмы применительно к уголовно-процессуальному праву, с точки зрения того, что оно представлено здесь как средство воздействия на социальный конфликт. Автор подвергает критическому анализу имеющиеся к настоящему времени немногочисленные работы по заявленной проблематике. В частности, им указывается на недопустимость смешения таких категорий, как «конфликт» и «противоречие», следствием чего является мнение о пользе конфликта как фактора развития общественных систем, к числу которых он относит систему уголовно-процессуальных отношений. В противоположность представленной точке зрения статья рассматривает конфликт как наименее эффективное средство разрешения социальных противоречий, а, следовательно, одной из задач уголовно-процессуального права является минимизация социальных конфликтов в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Подробно исследован вопрос о природе социальных конфликтов, возникающих в сфере отношений, подверженных воздействию уголовно-процессуального права. В своих рассуждениях автор статьи исходит из того, что основой таких конфликтов является противоречие целей, интересов их участников, а также средств, используемых ими при их реализации. Это позволило ему выделить три вида уголовно-процессуальных конфликтов: конфликт целей, конфликт интересов и конфликт средств.

Уголовно-процессуальный конфликт в статье отнесен к числу социальных конфликтов, что отличает подход автора от привычного криминалистического взгляда на данную проблему. Причем к таким конфликтам отнесены и межличностные конфликты, возникающие между участниками уголовно-процессуальных отношений. Кроме межличностных уголовно-процессуальных конфликтов, в статье анализируется природа и социальные основы конфликта между обществом и государством, который может быть спровоцирован уголовно-процессуальным правом.

В проведенном исследовании уголовно-процессуальное право рассматривается под несколько иным углом, нежели это имело место ранее, а именно как социальный инструмент минимизации конфликтов, возникающих в связи с применением норм уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, социальный конфликт, цель деятельности, социальные интересы.

* Декан юридического факультета Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

Criminal Procedure Conflict: Development Prerequisites, Concept and Types

Divaev Aleksandr B.**

✉ divalex09@mail.ru

49 Oktyabrsky pr., Novokuznetsk, Kemerovo region,
654066, Russia

Abstract. Traditionally, law is studied primarily as a means of regulating and protecting public relations. The article is an attempt to rethink this paradigm in relation to criminal procedure law, from the point of view of the fact that it is presented here as a means of influencing social conflict. The Author submits a critical analysis of the currently available few works on the stated problem. In particular, he points out the inadmissibility of mixing such categories as “conflict” and “contradiction”, which results in an opinion about the benefits of conflict as a factor in the development of social systems, to which he refers to the system of criminal procedure relations. In contrast to the presented point of view, the article considers conflict as the least effective means of resolving social contradictions, and, therefore, one of the tasks of criminal procedure law is to minimize social conflicts in the field of criminal procedure relations.

The issue of the nature of social conflicts arising in the sphere of relations subject to the influence of criminal procedure law is considered in detail. In his reasoning, the Author of the article proceeds from the fact that the basis of such conflicts is the conflict of goals, interests of their participants, as well as the means used by them in their implementation. This allowed him to identify three types of criminal procedure conflicts: conflict of goals, conflict of interests and conflict of funds.

The criminal procedural conflict in the article is classified as a social conflict, which distinguishes the Author's approach from the usual forensic view of this problem. Moreover, such conflicts also include interpersonal conflicts arising between participants in criminal procedural relations. In addition to interpersonal criminal procedural conflicts, the article examines the nature and social foundations of the conflict between society and the state, which can be provoked by criminal procedure law.

In the study, criminal procedure law is viewed from a slightly different angle than it was before, namely, as a social tool for minimizing conflicts arising in connection with the application of the norms of criminal procedure legislation.

Keywords: criminal procedure law, social conflict, purpose of activity, social interests.

На протяжении длительного времени, вплоть до 80-х гг., в теории права и в отраслевых правовых науках господствовал подход к пониманию права как к средству регулирования или охраны общественных отношений. Сама по себе эта точка зрения вполне приемлема, однако ее нельзя признать достаточной, так как она практически игнорирует тот факт, что право является еще и важным инструментом общесоциального воздействия, способным как сбалансировать общественные связи, так и деструктивно воздействовать на них, став причиной явления, названного в науке социальным конфликтом.

Сказанное, как представляется, в полной мере относится к уголовно-процессуальному праву, нормы которого могут не только предотвращать и разрешать социальные конфликты в сфере уголовно-процессуального воздействия, но и порождать их. Природа этих конфликтов не-

очевидна и, по нашему мнению, нуждается в обстоятельном изучении.

Как показал анализ исследований по рассматриваемой тематике, категория «уголовно-процессуальный конфликт» для уголовно-процессуальной теории сравнительно нова. При этом работы, прямо или косвенно затрагивающие эту проблему, носят преимущественно «пограничный» характер, находясь на стыке двух сфер правового знания – уголовно-процессуальной науки и криминалистики. Следствием этого стал несколько односторонний взгляд на сущность уголовно-процессуального конфликта, сформированный в науке: обычно это явление рассматривается как выражение межличностного взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности, а система средств противодействия ему – как совокупность тактических рекомендаций, направленных на предотвращение возможного

** Dean of the Faculty of Law at the Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Candidate of Legal Sciences, Docent.

конфликта между участниками производства по уголовному делу или его разрешение, если такой конфликт между ними уже возник.

Разработкой конфликтных ситуаций предварительного следствия, в частности, занимался О. А. Баев, который конфликты в деятельности следователя рассматривал как «форму проявления и разрешения межличностных и внутриличностных диалектических *противоречий* (выделено нами. – А. Д.), которые возникают у следователя в процессе выполнения им функциональных обязанностей по достижению общих целей уголовного судопроизводства и в связи со спецификой этой трудовой деятельности» [1, с. 11].

В связи с дискуссией о конфликтности сферы уголовно-процессуальных отношений нельзя не упомянуть и о, пожалуй, одном из самых известных исследований позднего советского периода, посвященных социальным противоречиям в уголовно-процессуальной сфере, работе В. Т. Томина «Острые углы уголовного судопроизводства» [13]. Написанный в последние годы существования Советского государства, этот научный труд впервые комплексно отразил все главные для того периода противоречия, накопившиеся в сфере уголовно-процессуального регулирования, причинами которых были и наметившееся в то время все возрастающее несоответствие уголовно-процессуального закона практике его применения, и недостаточность усилий одной лишь правоохранительной системы для их разрешения.

Если говорить о современных авторах, то, безусловно, на фоне остальных здесь выделяется диссертационное исследование Ю. В. Францифорова, в котором он определяет уголовно-процессуальные противоречия как «особое взаимодействие различий в системе уголовно-процессуального законодательства и практике его применения, составляющих диалектические и формально-логические формы проявления противоположных интересов взаимодействующих сторон обвинения и защиты» [15, с. 11]. При этом социальный конфликт автор рассматривает как «высшую степень выражения... противоречия, возникающего между сторонами при остром их противодействии друг другу», что обусловлено «существенным различием интересов и целей у стороны обвинения и стороны защиты» [14, с. 12].

Кроме Ю. В. Францифорова, в настоящее время так или иначе проблемой уголовно-процессу-

ального конфликта также занимаются и другие авторы [2; 3; 5; 6; 7; 10; 11].

В ряду их работ стоит выделить исследование Н. Ю. Лебедева, которое непосредственно посвящено уголовно-процессуальному конфликту. В его трактовке: «Уголовно-процессуальный конфликт – это нормальное и неизбежное проявление правовых связей и отношений между участниками уголовно-процессуальной деятельности, преследующих различные, а чаще всего несовместимые цели и интересы на протяжении как отдельных этапов расследования, так и всего хода производства по уголовному делу» [9, с. 94].

Что прежде всего обращает на себя внимание в данном определении, так это признание «неизбежности» уголовно-процессуального конфликта, что, как показывает практика, верно. В то же время с утверждением Н. Ю. Лебедева о том, что уголовно-процессуальный конфликт – это нормальное и полезное явление, мы согласиться не можем.

Это мнение – прямое следствие получившей распространение научной концепции, отождествляющей категории «социальное противоречие» и «социальный конфликт». Если исходить из данной посылки, учитывая при этом, что противоречия, складывающиеся между элементами какой-либо системы, являются необходимым условием ее развития, то действительно, конфликт можно считать не только нормальным, но и необходимым условием ее жизнеспособности.

Однако нам такое видение соотношения этих категорий представляется неверным. «Противоречие» и «конфликт», вне всяких сомнений, близкие, но не тождественные категории. Здесь уместно привести мнение известного социолога А. Г. Здравомыслова, который писал: «Существует большое искушение рассматривать конфликт как проявление и обнаружение объективных противоречий... Однако... противоречия далеко не всегда влекут за собой конфликты. Для превращения противоречий в конфликты необходимо осознание противоположности интересов и соответствующая мотивация поведения» [8, с. 13–14].

«Искушение», о котором пишет автор цитаты, часто преследует и исследователей уголовно-процессуального конфликта, что затрудняет поиск реальных средств противодействия ему. Дело в том, что выявление социального противоречия во многих случаях не представляется большой проблемой – эти противоречия нередко

лежат на поверхности. Возьмем, например, объективное противоречие между обвинением и защитой – по мнению многих, базовое противоречие уголовного судопроизводства. Если исходить из отождествления категорий «конфликт» и «противоречие», необходимо согласиться с тем, что между обвинением и защитой всегда существует конфликт, что, однако, не соответствует действительности. Действительно, перед участниками уголовного судопроизводства, представляющими стороны, всегда стоят противоположные цели, что в свою очередь является причиной несовпадения их интересов, однако эти противоречия не всегда влекут за собой конфликтную ситуацию. Например, если обвиняемый признает себя виновным, не противодействует уголовному преследованию и всеми силами старается содействовать ему, заглаживает по возможности вред, причиненный преступлением, то о каком конфликте может идти речь? При этом противоположность сторон не исчезла, она не нивелирована поведением обвиняемого. Насколько возможно устранить, разрешить противоречие обвинения и защиты? Как представляется, оно принципиально не устранимо. Противоположность позиций обвинения и защиты – это основа уголовного процесса. Если устраняется это противоречие, то исчезает сам уголовный процесс как сфера общественной жизни, система общественных отношений, так как вне его уголовно-процессуальная деятельность теряет всяческий смысл.

Чтобы противоречия целей и интересов обвинения и защиты вылились в конфликт, самих противоречий недостаточно. Необходимы еще два фактора: 1) осознание данного противоречия; 2) соответствующая мотивация представителя стороны снять противоречие с помощью наиболее радикального средства – путем вступления в конфликт.

Таким образом, *конфликт – это не само противоречие, а способ его разрешения, когда одна из сторон предпринимает попытку достижения своей цели или удовлетворения своих интересов за счет интересов другой стороны либо неприемлемыми для нее средствами.*

С этой точки зрения, если рассматривать конфликт как наиболее острую фазу развития противоречий и весьма специфический способ их разрешения, то следует критически отнестись к ставшему популярным в последнее время тезису о пользе социального конфликта [4; 12]. Так,

известный российский теоретик права В. А. Лентаев прямо пишет: «Представляется перспективной разработка технологий урегулирования конфликта, построенных на введении правил, ограничивающих конфликтные взаимодействия, поскольку такой подход позволяет использовать различные формы институционализированного разрешения конфликта, в том числе и создание правил, запрещающих искоренять конфликты, несущие позитивные функции» [12, с. 10].

Казалось бы, сама по себе концепция «полезного» конфликта выглядит чрезвычайно привлекательно, когда из хаоса и нестабильности рождается что-то новое, более устойчивое, менее подверженное энтропии. Известен и источник происхождения этой концепции – работы известного германо-американского социолога Л. Козера [16; 17], получившие признание и распространение в западной социологии [18; 19]. Однако, взяв за основу данную концепцию, необходимо учитывать, что, в соответствии с ней, разрешение противоречий в конфликте происходит не путем взаимного согласования позиций и консенсуса, а за счет уступок одной из сторон конфликтного взаимодействия. Причем эти уступки часто происходят не потому, что у «победившей» стороны имеются более рациональные, прогрессивные, верные и т. п. средства разрешения противоречий, а только потому, что у нее имеется больший ресурс (например, власть над проигравшим). Так что считать конфликт социально «полезным» если и можно, то с изрядной долей условности: сильная сторона социального конфликта должна действительно нести нечто прогрессивное, развивать систему общественных отношений или, по крайней мере, уменьшать ее энтропию. В противном случае конфликт – это объективное препятствие развитию социальной системы.

По нашему мнению, на проблему неизбежности конфликта и его функционала нужно смотреть несколько по-другому и это явственно проявляется в уголовно-процессуальных отношениях. Действительно, социальный конфликт – это неизбежная данность в любой социальной системе. Причина этого – внутренние противоречия, являющиеся следствием ее развития, а также противоречия, возникающие во взаимодействии данной системы с окружающей социальной средой. Как раз они, эти противоречия, но не сам конфликт, есть фактор развития системы, и было бы крайне желательным разрешать

их исключительно бесконфликтным путем (например, путем переговоров, достижения консенсуса, убеждения в правоте и др.). В противном случае у одной из потенциальных сторон такого конфликта, представленной лицом или органом, ведущим производство по уголовному делу – обладателем властных полномочий, всегда будет присутствовать соблазн облегчить себе жизнь и разрешить конфликт властным велением, «раз и навсегда». Но удовлетворяет ли такой способ разрешения процессуальных противоречий требованиям объективности, законности и справедливости, которые предъявляются обществом к уголовному процессу как средству, с помощью которого реализуется наиболее строгий вид юридической ответственности? Вряд ли.

Значит, *уголовно-процессуальный социальный конфликт можно определить как наименее эффективный способ преодоления противоречий целей, интересов субъектов отношений, подверженных воздействию уголовно-процессуального права, а также тех средств, которые используются ими для реализации этих целей и интересов.*

С этой точки зрения конфликтность сферы отношений, попадающих в сферу уголовно-процессуального воздействия, можно и нужно рассматривать в качестве индикатора эффективности такого воздействия. Сам по себе социальный конфликт в этой сфере – это данность, и полностью избавиться от него не может даже такое мощное средство воздействия на общественные отношения, как уголовно-процессуальное право. Однако оно вполне способно минимизировать конфликтность этих отношений, на что и должны быть направлены усилия законодателя.

В этом же направлении, как представляется, должна развиваться и правоприменительная практика, которая вполне способна противостоять уголовно-процессуальному конфликту наряду с законом и даже играть в этом деле главенствующую роль. Как бы не была привлекательна идея о том, что закон должен быть единственным средством воздействия на уголовно-процессуальные отношения, нужно признать, что законодатель не всесилен. В конечном счете закон – это лишь некий образ, отражение реально сложившихся социальных отношений, который сам по себе, в отрыве от того, кто его реализует, его реальной правовой деятельности, мертв. Закон «живет» только в правовой действительности, в поведении конкретных субъектов права, их действиях и решениях, а поэтому

многое в воздействии на уголовно-процессуальный социальный конфликт зависит не от закона, а от того, как его реализуют реальные участники уголовного судопроизводства.

И речь здесь идет вовсе не о том, соблюдают ли они закон. Здесь мы говорим о более сложной форме правовой деятельности, чем противоправное поведение, а именно о конфликтотенном поведении субъекта права в случаях, когда он, действуя в рамках правовых предписаний, тем не менее своим поведением провоцирует конфликт. В таких случаях, каков бы ни был закон, правоприменительная практика становится ведущим средством, отвечающим за антиконфликтность уголовно-процессуальной сферы отношений.

Уголовно-процессуальный конфликт, безусловно, относится к числу *социальных* конфликтов, что предопределяет систему средств противодействия ему, которыми могут быть исключительно социальные инструменты, к которым относится право. Это существенно отличает данный тип конфликтов от конфликтов личного или внутриличностного характера. Соответственно, тот тип уголовно-процессуального конфликта, о котором идет речь в данной работе, лучше называть «уголовно-процессуальным социальным конфликтом».

При этом «социальность» уголовно-процессуального конфликта предопределяется не количеством его участников, являющихся, в терминологии социологической науки, акторами (т. е. активными, заинтересованными участниками) данного конфликта, а их социальными характеристиками. В связи с этим социальный конфликт может носить не только общественный (межгрупповой), но и межличностный характер. Даже если в конфликте участвуют конкретные лица, а не социальные коллективы или сообщества, данный факт еще не дает оснований говорить о том, что это личный, а не социальный конфликт. Здесь важно определить, в каком качестве эти лица участвуют в конфликте, их социальные роли.

Допустим, конфликтная ситуация, возникшая во взаимоотношениях лица, ведущего производство по уголовному делу, и любого другого участника уголовного судопроизводства, несмотря на внешне индивидуальный характер, на самом деле является социальным конфликтом. Это объясняется тем обстоятельством, что как первый, так и второй его участник – носители определенной социальной роли, воплощенной в конкретном их уголовно-процес-

судопроизводства связывает не личная симпатия или, наоборот, неприязнь. Связь между ними носит исключительно социальный характер. Она может возникнуть только при условии, что эти лица, встроившись в систему уголовно-процессуальных отношений, начнут осуществлять определенную социальную роль, формализованную посредством соответствующего процессуального статуса. В такой ситуации само наличие социального отношения, а, следовательно, и конфликта, возникшего между ними, продиктовано не их личными желаниями или потребностями, а исключительно тем, что первый, будучи представителем власти, является носителем публичных полномочий, а второй – лицом, вовлекаемым в производство по уголовному делу, и оба они в силу требований закона обязаны вступить в это отношение. В остальном, на межличностном уровне, эти индивидуумы вполне могут быть друг другу безразличны, а значит, при прочих условиях никаких личных отношений между ними развиваться не могло. Более того, если между данными участниками уголовного судопроизводства имеются личные отношения, которые могут спровоцировать личный конфликт – это основание для исключения одного из них, а именно лица, ведущего производство по уголовному делу, из числа участников производства по уголовному делу.

Как уголовно-процессуальный социальный конфликт должен рассматриваться и межличностный конфликт, возникший между участниками уголовного судопроизводства, не наделенными властью (например, конфликт двух обвиняемых, заинтересованных в различном исходе дела), так как он также предопределен не их личными отношениями, а той социальной ролью, которая воплощена в процессуальном статусе этих участников уголовного судопроизводства. Только через нее, социальную роль обвиняемого, защитника, потерпевшего и др., формализованную нормами уголовно-процессуального права в статус субъекта права, эти лица осуществляют цели уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальные интересы, по поводу которых между ними может возникнуть социальный конфликт.

Естественно, факт нахождения тех или иных участников уголовного судопроизводства в системе уголовно-процессуальных отношений вовсе не исключает наличия личного конфликта

между ними. Например, часто, такой конфликт характеризует отношения пострадавшего от преступления и причинителя вреда. Иногда он заходит так далеко, что эти лица буквально не могут находиться в одном помещении друг с другом, выдержано вести диалог и т. п. В таких сложных ситуациях наличие социального конфликта обвиняемого и потерпевшего усугубляется личными неприязненными отношениями, конфликтом двух людей, между которыми имеется взаимное неприятие. При этом средства воздействия на эти конфликты совершенно различны. Если в первом случае конфликт может быть нивелирован исключительно социальными средствами – реализацией тех правовых возможностей и запретов, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом, то для купирования второго такие средства бессильны. Его можно преодолеть другими средствами, недоступными праву, например, средствами психологического характера.

Существование межличностных уголовно-процессуальных социальных конфликтов не является секретом для законодателя, предусмотревшего в уголовно-процессуальном законе ряд норм, которые имеют явно «антиконфликтный» характер. Индикатором этого служит тот факт, что они предусматривают механизм разрешения потенциальных конфликтов, которые могут возникнуть в процессе производства по делу между его участниками. В качестве примера можно привести положения ч. 6 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК РФ), предусматривающей механизм разрешения разногласий между руководителем следственного органа, следователем и прокурором. Или сходную по направленности норму ч. 3 ст. 39 УПК РФ, которая призвана разрешать конфликты, возникшие между руководителем следственного органа и следователем.

Есть в УПК РФ и нормы, позволяющие разрешать уголовно-процессуальные социальные межличностные конфликты, которые могут возникнуть между участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты. Например, в таком качестве вполне могут рассматриваться положения ст. 52 УПК РФ, регламентирующие порядок отказа от защитника. Как показывает практика, подозреваемый или обвиняемый пользуются этим правом в том числе и при возникновении противоречий их процессуальной позиции с позицией защитника по делу.

Исчерпывают ли межличностные уголовно-процессуальные конфликты участников уголовного судопроизводства весь спектр уголовно-процессуальных социальных конфликтов? Думается, что нет. Во-первых, и это по какой-то причине не учитывается исследователями, межличностные уголовно-процессуальные конфликты могут возникать и вне основного производства по уголовному делу, между участниками уголовно-процессуальных отношений, являющихся содержанием дополнительных уголовно-процессуальных производств (например, производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора).

И во-вторых, говоря об активных участниках социальных конфликтов, нельзя обойти вниманием таких субъектов, как государство и общество, которые являются выразителями определенных социальных целей, и носителями соответствующих интересов. Данное обстоятельство, по нашему мнению, позволяет говорить о возможности возникновения уголовно-процессуального социального конфликта между ними.

Сразу скажем, что данный конфликт может быть исключительно конфликтом их уголовно-процессуальных интересов и никогда не может быть социальным конфликтом, вызванным противоречием целей, которые преследуют государство и общество в сфере уголовно-процессуальных отношений. Данный вывод вытекает из природы этих целей и интересов.

Как постановка целей, так и появление интересов обуславливаются общей причиной – возникновением потребностей. Учитывая, что любой социальный инструмент целенаправлен (в противном случае, он просто не появился бы), нужно признать, что уголовный процесс также появился как средство реализации определенной социальной цели, сформированной как ответ на возникновение социальной потребности. Такой потребностью явилась необходимость учреждения *средства легитимации акта привлечения к ответственности лица, посягнувшего на личную и общественную безопасность*. В удовлетворении этой потребности в равной степени были заинтересованы и общество, и государство, что и привело к реализации их совместной цели – учреждению особого общественного института, который известен в настоящее время под названием «уголовный процесс».

Повторим, в существовании этого института в *равной мере* заинтересованы и государ-

ство, и общество, а следовательно, в этой части их цели противоречить не могут, а поэтому и социального конфликта на этой почве между ними случиться не может.

Несколько иначе обстоит дело с уголовно-процессуальными интересами государства и общества. В основе формирования социального интереса также лежат социальные потребности, однако в отличие от той общей, базовой уголовно-процессуальной потребности, которая привела к постановке единой для государства и общества социальной цели и формированию уголовного процесса, потребности, отвечающие за формирование интересов этих социальных субъектов в сфере уголовно-процессуальных отношений, могут противоречить и стать причиной уголовно-процессуального социального конфликта между ними.

Социальные свойства любого субъекта общественной жизни, включая государство и общество, находятся в постоянном движении. Следствием этого является постоянное изменение количества и качества их потребностей. Соответственно, дальнейшее развитие уголовно-процессуальных отношений, с появлением которых была удовлетворена базовая социальная потребность в средстве легитимации акта привлечения к уголовной ответственности, привела в движение процесс формирования все новых и новых социальных потребностей, которые могут быть удовлетворены только посредством учреждения, реорганизации или отмены уголовно-процессуальных норм и институтов. Именно эти потребности стали основой появления уголовно-процессуальных интересов.

Все социальные интересы в социологии принято делить на личные и общественные. Однако реалии современного уголовного процесса позволяют утверждать, что в сфере уголовно-процессуальных отношений присутствует еще один самостоятельный вид социальных интересов – государственные, и обойти вниманием вопрос о том, в каком соотношении они находятся с общественными интересами нельзя.

В теории по отношению к категории «общественный интерес» сформированы два подхода. Один из них предлагает рассматривать это явление чисто механически, как обычную «сумму» личных интересов, что, считаем, выглядит несколько идеалистично. В таком понимании общественные интересы могут рассматриваться только в том случае, если личные интересы, являющиеся слагаемыми этой суммы, совпадают,

что, конечно, возможно, однако характерно исключительно для малых групп.

Если же говорить об общественном интересе в самом общем смысле этого термина, как об интересе общества в целом, то здесь такой подход неприемлем. Трудно представить крупную общественную структуру, интересы представителей которой полностью бы совпадали, позволяя их суммировать. О какой сумме личных интересов участников уголовного судопроизводства можно вести речь, когда известно, что эти интересы практически всегда находятся в противоречии? Как, например, суммировать интересы потерпевшего и обвиняемого? Или интересы обвиняемого и защитника, от которого он отказывается? А ведь речь идет о микроскопическом в сравнении со всем социумом сообществе, возникшим ситуативно в связи с встраиванием конкретных лиц в систему уголовно-процессуальных отношений.

Так что, думается, в реальности все обстоит намного сложнее. Сумму личных интересов нельзя рассматривать как общественный интерес. Это немного более, чем просто сумма интересов, при совпадении которых их носители могут складывать свои усилия для реализации этих интересов. С этой точки зрения такой вид интересов уместнее называть не общественным, а общим интересом, который вполне может стать объединяющим началом в малых группах.

Более точно общественный интерес определяет другой подход, основанный на представлении о нем как об отдельном социальном явлении. В такой интерпретации общественный интерес – это не производное от личного интереса. Его носителем является самостоятельный социальный субъект – общество, а следовательно, общественный интерес – это самостоятельный вид социального интереса, нередко противоположный личным интересам его же представителей.

Общественные интересы множественны, однако в сравнении с личными интересами носят более стабильный характер, что вполне объяснимо. В основе личных интересов лежит личная потребность, возникновение которой полностью обусловлено личными желаниями и устремлениями его носителя. Отсюда и его изменчивость. Обвиняемый, сегодня не признающий себя виновным в совершении преступления или отказывающийся от дачи показаний, завтра может полностью изменить модель своего поведения, посчитав, что в его интересах будет признать

себя виновным и дать показания по делу. Естественно, на это обстоятельство могут влиять внешние факторы, например, мнение защитника, ознакомление с доказательствами, имеющимися в распоряжении следователя, беседа с родными и близкими и др., однако это сути не меняет.

Иначе формируются общественные интересы. Как общественные интересы не являются суммой личных интересов, так и общество не «сумма личностей» – оно нечто большее. Вполне очевидно, что массовые процессы и тенденции, которые развиваются в обществе, не подвержены индивидуальному сознанию, а поэтому не зависимы от него. Отсюда вполне очевидным является тот факт, что общество развивается по объективным законам и реализация отдельными его представителями их личных интересов может лишь способствовать общественному прогрессу, если личные и общественные интересы совпадают или, наоборот, тормозит развитие общества, если между ними имеется противоречие.

Общественные интересы необходимо отделять от личных интересов, так как они связаны не с личными предпочтениями отдельных членов общества, а с теми глубинными процессами, которые протекают внутри него. Следовательно, общественный интерес – это самостоятельный вид формирующихся объективно интересов, который не суммирует, а обобщает все частные интересы целого, выражая генеральную, доминирующую тенденцию общественного развития в определенной сфере, коей в нашем случае является уголовный процесс. В таком понимании личный интерес в его общественно значимой части – это основа общественного интереса, так как игнорирование личных интересов, формирование общественного интереса «сверху», разрыв связи между ним и жизненными интересами конкретных представителей общества ведет к тому, что сам общественный интерес перестает соответствовать общественным потребностям.

Процесс формирования общественного уголовно-процессуального интереса можно проиллюстрировать на примере формирования любого социального института, ставшего частью системы уголовно-процессуальных отношений. Возьмем для примера институт защиты в том понимании, в котором он известен современному уголовному процессу.

В настоящее время объективность и общественная значимость этого социально-правового

института неоспоримы, что как раз и объясняется тем, что он – отражение объективно сложившегося общественного интереса.

Первоначально возникнув, процедура легитимации акта привлечения к ответственности, ставшая прообразом уголовного процесса, естественно, не имела тех форм обвинения и защиты, которые характеризуют современный уголовный процесс, хотя как виды деятельности и обвинение, и защита в этом квазипроцессе присутствовали – по-другому просто быть не может. Правда, осуществлялись эти разнонаправленные виды деятельности в тот период самими пострадавшим и его обидчиком в весьма произвольном порядке, что до определенных пор вполне отвечало интересам общества в его догосударственном состоянии.

Первоначальным толчком, повлекшим появление социальной потребности в развитии института защиты, стала трансформация частного обвинения в государственное уголовное преследование. Это произошло не сразу и не по всему спектру преступлений, однако, со временем углубление этой тенденции привело к появлению публичного (официального) уголовного процесса, в рамках которого частное обвинение стало рассматриваться как исключение из правил.

Почему мы считаем именно этот момент той отправной точкой, от которой необходимо вести отсчет формированию самой идеи о необходимости появления института защиты, противопоставленного государственному обвинению, ставшей на определенном этапе социальной потребностью? Ответ заключается в следующем. До тех пор, пока обвинение и защита были личным делом обидчика и пострадавшего, государство вмешивалось в их взаимоотношения только на уровне реализации наказания и контроля за тем, чтобы, с одной стороны, обидчик выполнил все обязательства перед пострадавшим, а с другой – пострадавший или его родственники не истребовали от наказанного более того, что ему было присуждено. Таким образом, процессуальный паритет, а, следовательно, и баланс возможностей участников уголовно-процессуальной деятельности в целом соблюдался. Тут же произошло следующее: обвинение стало государственным делом, осуществляемым его чиновником, спектр возможностей которого стал просто несопоставим с возможностями обвиняемого в совершении преступлений.

Еще более усугубила ситуацию произошедшая позднее специализация части государствен-

ного аппарата на деятельности по поддержанию обвинения в суде, в силу чего появились профессиональные государственные обвинители, знания, навыки и умения которых не шли ни в какое сравнение со способностями противостоящего им обвиняемого.

Процессы, описанные выше, носят естественный характер, а поэтому появление обвинительного государствоцентричного инквизиционного процесса было неизбежным. Однако, этим был нарушен тот баланс интересов государства, общества и личности, который существовал до сих пор, а поэтому общество и личность утратили чувство безопасности перед лицом государства, а это, в свою очередь, поставило под сомнение легитимность акта уголовной ответственности: общество перестало признавать справедливыми эти акты, осуществляемые в одностороннем порядке. Государство, конечно, могло до поры до времени считать их легитимными односторонне, без учета их общественного признания, но рано или поздно это может стать основой для уголовно-процессуального макроконфликта интересов государства и общества. Единственным способом его предотвращения является восстановление баланса их интересов посредством учреждения социально-правовых институтов (института защиты, в нашем случае) и изменения уголовно-процессуального законодательства.

С этой точки зрения, если государство считать средством управления обществом, которое обществом же и учреждается, которому общество делегирует управленческие полномочия, в том числе и полномочия по обеспечению безопасности общества и личности от преступных посягательств, идеальным видится абсолютное совпадение государственных и общественных интересов, воплощаемых в так называемом публичном интересе. Однако это именно идеальное соотношение, так как государство – это не общество. В настоящее время мы уже можем констатировать, что попытка построения государства на основе монолитного, бесконфликтного общества, которое не было бы раздираемо внутренними противоречиями, предпринятая в советский период развития нашего государства, пока не увенчалась успехом, а, следовательно, считать современное государство выразителем интересов всего общества при всем желании нельзя. Современное российское государство – это государство, предпринимающее попытки в своей политике отразить интересы общественного

большинства, учитывая при этом интересы общественного меньшинства, а отсюда и все противоречия: какие бы шаги государство не приняло в уголовно-процессуальной сфере, определенная часть общественности все равно будет не согласна с этим, так как это идет вразрез с ее интересами.

Более того, на современном этапе развития уголовного процесса государство иногда проявляет себя как самостоятельный социальный актор, действующий исключительно в своих интересах, без оглядки на общество. Это очень спорный способ совершенствования уголовно-процессуальной реальности, который, как минимум, может сказаться на эффективности уголовно-процессуального воздействия, так как те уголовно-процессуальные предписания, которые принимаются в таком порядке, часто просто не воспринимаются обществом и даже саботируются им. В максимальном же варианте развития событий противоречие уголовно-процессуальных предписаний общественным интересам может стать причиной социального конфликта.

Примеров таких норм уголовно-процессуального закона, которые явно видятся противоречащими общественным интересам, можно привести немало. Так, известно, что уголовное правосудие весьма затратно, а поэтому государство всячески заинтересовано в оптимизации процессуальной формы, в том числе и в сторону ее удешевления. И в самом процессе ее оптимизации ничего плохого нет. Да и общественность в этом заинтересована. Однако, когда этот процесс переходит все границы, как это случилось, например, с сокращенной формой дознания по уголовным делам, когда законодатель совершенно рационально сократив форму досудебного производства, по совершенно непонятным для нас причинам предусмотрел для этих дел и особый, без проведения судебного следствия, порядок судебного разбирательства, он ничего, кроме возражений, вызывать не может.

Точно такие же сомнения в соответствии общественным интересам вызывает и практически полное устранение общественности из сферы уголовно-процессуальных отношений, в том числе и сведение до минимума форм ее участия в отправлении правосудия. Если до 2005 г. представители общества в качестве народных заседателей участвовали практически в каждом судебном заседании по уголовным делам,

то теперь их участие возможно только в роли присяжных заседателей по мизерному количеству дел – по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за весь прошлый год судами по первой инстанции с участием присяжных рассмотрено 718 уголовных дел, что составляет чуть более 0,1 % от общего количества рассмотренных судами уголовных дел (763 533 дела).

При этом не выдерживает критики мнение о том, что народные заседатели не выполняли своей роли, были зависимы от председательствующего и полностью в своих решениях следовали ему. Во-первых, это утверждение не имеет эмпирической основы. Конечно, мы не исключаем того, что такие факты имели место на практике, однако экстраполировать эти негативные явления на весь институт народных заседателей представляется явной ошибкой. А во-вторых, даже если это утверждение верно, участие народных заседателей в судебном разбирательстве и обсуждении приговора в любом случае являлось мощнейшим сдерживающим фактором от злоупотреблений со стороны председательствующего. По сути, помимо непосредственно правосудия, народные заседатели осуществляли и общественный контроль за представителем власти – профессиональным судьей. Разве это противоречило общественным интересам?

Постепенно «отмирает» и институт понятых в уголовном процессе: пределы их участия в следственных мероприятиях в настоящее время сведены к минимуму. Сегодня, согласно ст. 170 УПК РФ они в обязательном порядке принимают участие только в трех следственных действиях: обыске, личном обыске и предъявлении для опознания. В остальном их участие либо вообще не предусматривается, либо обуславливается приглашением следователя или дознавателя.

А между тем еще в недавнем прошлом понятые принимали участие в большинстве следственных действий и об изменении их роли в уголовном процессе речи не велось. Сейчас же законодатель решил, что они не нужны и им на смену должны прийти средства технического аудио- и визуального контроля. Однако забывается, что понятые никогда не являлись помехой применению этих средств. Почему же теперь законодателю пришлось выбирать из этих альтернатив? И при этом не учитывается, что участие

понятых – это не просто формальность. Это также и вид общественного контроля за законностью деятельности следователя или дознавателя, чем законодатель пренебрег.

У проблемы соотношения государственных и общественных интересов в сфере уголовного процесса есть и еще один аспект. До этого, говоря об их возможном противоречии, мы вели речь об этом исключительно в негативном ключе – как о возможной причине макросоциально-уголовно-процессуального конфликта. Однако, думается, нужно сказать и о положительном моменте такого противоречия, когда оно несет несомненную пользу. Здесь мы имеем в виду ситуацию, когда государство в противоречие с общественными интересами встает на защиту личных интересов.

Личность вообще достаточно специфический участник общественных отношений. Ее интересы потенциально могут противоречить интересам сразу двух социальных субъектов: государства и общества. В первом случае следствием такого противоречия может стать правовой конфликт личности и государства, влекущий применение государственных мер воздействия. При этом последние четко формализованы законом и по содержанию, и по порядку применения, а поэтому, по крайней мере с этой точки зрения, личность может себя чувствовать относительно спокойно – вряд ли государство в лице его органов применит те меры воздействия, которые не предусмотрены законом. Даже если это произойдет, каждый вправе обжаловать это решение в вышестоящий орган, который, проверив, отменит или подтвердит его.

Совершенно иначе обстоит дело с общественным воздействием на личность, которое совершенно не формализовано и может носить самый разнообразный и подчас неконтролируемо жестокий характер. Такое воздействие может считаться вполне отвечающим общественным интересам общества, однако это глубочайшее заблуждение: вряд ли общество на самом деле может быть заинтересовано в расправе над своим же представителем. Но на фоне общественного возмущения, экзальтации общественного мнения, общественность вполне может воспринять этот ложный интерес как истину.

В такой ситуации защитить личность может только государство, которое должно в уголовно-процессуальном законе предусматривать механизмы противодействия конфликту интересов

общества и личности, даже вопреки общественным интересам. Примерами такого механизма являются институт обязательного участия защитника (ст. 51 УПК РФ) или возможность проведения закрытого судебного разбирательства в целях обеспечения безопасности его участников (ст. 241 УПК РФ).

Итак, социальный конфликт государства и общества в связи с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности возможен. Однако возникает вопрос о том, насколько правомерно рассматривать этот конфликт в качестве уголовно-процессуального, учитывая, что его акторы не могут быть отнесены к числу участников уголовно-процессуальных отношений.

Думается, что для этого есть все основания. В нашем понимании уголовно-процессуальное право – это не только совокупность норм, регламентирующих порядок производства по уголовному делу и сопутствующих ему дополнительных производств. Это еще и мощное средство общесоциального воздействия, позволяющее, при умелом его применении, стабилизировать общественное развитие. Такое его воздействие простирается гораздо дальше классического отраслевого «предмета правового регулирования» и вполне может затрагивать не только межличностные отношения конкретных участников уголовно-процессуальных отношений. Оно, в противоположность тому, которое направлено «вовнутрь», на предмет уголовно-процессуального права, является неким «внешним» воздействием, оказываемым данной отраслью права на всю систему общественных отношений в целом. Таким образом, социальный конфликт государства и общества по поводу легитимации акта привлечения к уголовной ответственности уголовно-процессуален по своей природе, так как он возникает в связи с реализацией социальной функции уголовного процесса и провоцируется недостаточно эффективным действием уголовно-процессуального права.

Более того, уголовно-процессуальный характер данного социального конфликта подчеркивает тот факт, что воздействие на него, предотвращение этого социального конфликта может быть осуществлено исключительно процессуальными средствами: внесением в уголовно-процессуальный закон своевременных, объективно обусловленных, отражающих потребности социального развития корректировок и совершенствованием практики его применения.

Список литературы

1. Баев О. А. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 132 с.
2. Баева Н. А. Конфликты в деятельности адвоката – защитника в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. 26 с.
3. Боева М. В. Тактико-коммуникативная компетентность следователя. М. : Юрлитинформ, 2010. 152 с.
4. Бушмелев А. А. Конфликт как фактор самоорганизации общества : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Н. Новгород, 2005. 39 с.
5. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. 544 с.
6. Горохов С. В. Конфликты в деятельности судьи при разбирательстве уголовных дел: понятие, виды, правовые средства предупреждения и разрешения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
7. Жидков М. А. Механизмы выявления и разрешения социальных конфликтов в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 20 с.
8. Здравомыслов А. Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 12–21.
9. Лебедев Н. Ю. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных конфликтов // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 2 (62). С. 92–94.
10. Лебедев Н. Ю. Теоретические основы конфликтов, возникающих в процессе досудебного и судебного производства по уголовному делу и пути их разрешения. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. 323 с.
11. Лебедев Н. Ю. Уголовно-процессуальные конфликты, возникающие в ходе расследования преступления: характеристика, функции, виды // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 84–87.
12. Летаев В. А. Насколько эффективно сочетание междисциплинарных практик для институализации конфликта? // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах : моногр. / под ред. В. А. Летаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 10–35.
13. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1991. 239 с.
14. Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 75 с.
15. Францифоров Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 569 с.
16. Coser L. A. Continuities in the Study of Social Conflict. N. Y. : The Free Press, 1967. 290 p.
17. Coser Lewis A. The Function of Social Conflict. London : Routledge, 2001. 93 p.
18. Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 234 p.
19. Vago S., Barcan S. E. Law and Society. London : Routledge, 2018. 340 p.

References

1. Baev O. A. *Konfliktnye situatsii na predvaritel'nom sledstvii* [Conflict Situations During the Preliminary Investigation]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1984. 132 p.
2. Baeva N. A. *Konflikty v deyatel'nosti advokata – zashchitnika v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Conflicts in the Activities of a Lawyer – Defender in Russian Criminal Proceedings. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Voronezh, 2007. 26 s.
3. Boeva M. V. *Taktiko-kommunikativnaya kompetentnost' sledovatelya* [Tactical and Communicative Competence of the Investigator]. Moscow, YurLitinform Publ., 2010. 152 p.
4. Bushmelev A. A. *Konflikt kak faktor samoorganizatsii obshchestva*. Avtoref. dis. kand. filosof. nauk [Conflict as a Factor in the Self-Organization of Society. Ext. Abstr. Cand. Philosophical Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2005. 39 p.
5. Golovko L. V. *Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr «Press» Publ., 2002. 544 p.
6. Gorokhov S. V. *Konflikty v deyatel'nosti sud'i pri razbiratel'stve ugolovnykh del: ponyatie, vidy, pravovye sredstva preduprezhdeniya i razresheniya*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Conflicts in the Activities of a Judge in Criminal Proceedings: Concept, Types, Legal Means of Prevention and Resolution. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Voronezh, 2011. 24 p.
7. Zhidkov M. A. *Mekhanizmy vyyavleniya i razresheniya sotsial'nykh konfliktov v deyatel'nosti organov vnutrennikh del*. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Mechanisms for Identifying and Resolving Social Conflicts in the Activities of Internal Affairs Bodies. Ext. Abstr. Cand. Sociological Sci. Dis.]. Moscow, 2008. 20 p.
8. Zdravomyslov A. G. Fundamental'nye problemy sotsiologii konflikta i dinamika massovogo soznaniya [Fundamental Problems of the Sociology of Conflict and the Dynamics of Mass Consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1993, no. 8, pp. 12–21.
9. Lebedev N. Yu. K voprosu o ponyatii ugolovno-protsessual'nykh konfliktov [Definition of Criminal and Judicial Conflicts]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – The News of Altai State University*, 2009, no. 2 (62), pp. 92–94.
10. Lebedev N. Yu. *Teoreticheskie osnovy konfliktov, voznikayushchikh v protsesse dosudebnogo i sudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu i puti ikh razresheniya* [Theoretical Foundations of Conflicts Arising in the Process of Pre-Trial and Trial Proceedings in a Criminal Case and Ways to Resolve Them]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ., 2012. 323 p.
11. Lebedev N. Yu. Ugolovno-protsessual'nye konflikty, voznikayushchie v khode rassledovaniya prestupleniya: kharakteristika, funktsii, vidy [The Criminal-Procedure Conflicts, Arising During Crime Detection: a Characteristics, Functions, Conclusions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2008, no. 306, pp. 84–87.
12. Letyaev V. A. Naskol'ko effektivno sochetanie mezhdistsiplinarnykh praktik dlya instutualizatsii konflikta? [How Effective Is the Combination of Interdisciplinary Practices for Institutionalizing Conflict?]. *Sotsial'nyi konflikt v razlichnykh*

normativno-semioticheskikh sistemakh – Social Conflict in Various Normative-Semiotic Systems. Kazan, Kazan University Publ., 2012, pp. 10–35.

13. Tomin V. T. *Ostrye ugly ugolovnogo sudoproizvodstva* [Sharp Corners of Criminal Proceedings]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 239 p.

14. Frantsiforov Yu. V. *Protivorechiya ugolovnogo sudoproizvodstva*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [Contradictions in Criminal Proceedings. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2007. 75 p.

15. Frantsiforov Yu. V. *Protivorechiya ugolovnogo sudoproizvodstva*. Dis. d-ra yurid. nauk [Contradictions in Criminal Proceedings. Dr. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2007. 569 p.

16. Coser L. A. *Continuities in the Study of Social Conflict*. New York, The Free Press, 1967. 290 p.

17. Coser L. A. *The Function of Social Conflict*. London, Routledge, 2001. 93 p.

18. Knight J. *Institutions and Social Conflict*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 234 p.

19. Vago S., Barcan S. E. *Law and Society*. London, Routledge, 2018. 340 p.

Дата поступления статьи | Article received date

15.02.2021

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

05.03.2021

Дата приема к публикации | Article accepted date

05.03.2021